

184(2 Рос-Рус)6-5

К 59

Виктор КОЗЛОВ

25.01.85 г.
2. Мелоч

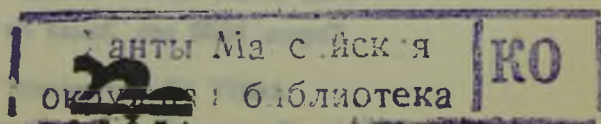

ТЕПЛЫНЬ...

Виктор КОЗЛОВ

ТЕПЛЫНЬ...

Стихи

ББК 84 Р7
К 59

Издание за счет средств автора
Спонсор — администрация
Нижневартковского района.

КОЗЛОВ ВИКТОР
Теплынь...
Стихи

Редактор Иванов Г. В.
Художественный редактор Горшкова М. Г.
Компьютерная верстка Соболевой Г. В.

ИБ № 0044

Подписано в печать 15.05.94. Формат 70×90/32.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл.-печ.л. 4,53. Уч.-изд.л. 3,14.

Тираж 1000 экз. Заказ № 606.

АООТ "Полиграфист"
620151, Екатеринбург, ул. Тургенева, 20

ISBN 5-7450-0422-3

© В. Козлов, 1994 г.

Новая планета

* * *

Знал я, что Россия необъятна,
знал, что есть Сибирь, а в ней тайга,
белые неведомые пятна,
белая упругая пурга...

Напрягал свое воображение,
только видел всю ее такой:
белых яблонь майское кружение,
и метель черемух над рекой;

города в узорном обрамленьи
спутников, поселков, деревень;
и поля в осеннем отдаленьи,
золотом заполненные вскленъ;

да дороги в шумных перелесках,
где ночуют встречные ветра...
И, конечно, что-нибудь довеском
виделось из нашего двора...

И в душе
с неясною тревогой
выплыло желанье посмотреть
ту Сибирь
и самому потрогать
и своим дыханьем
согреть...

* * *

Летим! —
не в космос —
на работу
в Сибирь — она без нас там стынет.
Там ржаво-бурые болота,
как марсианские пустыни.

Наш край для мужества
не узок,
познаешь здесь свою весомость!
Ну а пределы перегрузок
тебе твоя укажет
совесть.

Туши скорее
сигарету
и — в небо
ярко-голубое,
Сибирь, как новую планету,
должны
освоить мы с тобою,
не занеся сюда микроба
наживы,
рвачества
и злобы!

УСТЬ-БАЛЫК. 1961

Под берегом шуршит шуга,
а у крыльца шумит тайга.
мшистая,
ершистая.
Уснули крепко в доме все,
и новый сруб, вздохнув, осел.
Будильник на столе стучит,
ребенок вдруг во сне кричит.
Чтоб тишину заштопать,
Мариин сразу шепот:
"Спи-спи, мужичок,
моя детынька..."
...Шепчет Мария Наташе:
"С ума сошли, что ли, наши?..
Вечно им больше всех надо:
сказало начальство и — рады...
Детей, подлец, наплодил,
а сам, как вольный казак!..
Нет моих больше сил...
Хватит... намаялась так...
лезешь вечно из кожи!
Я не двужильная тоже:
снег только вот растает,
уеду к мамке... в Расею...
Лиха на ус помотает,
живо забудет про север..."
"Скоро Юган, Маша, станет...
Что тогда делать станем?.."

"Заколеют наши дураки!..

Мой-то — обрядился в сапоги.

И подумать только просто страх! —

в эдаки морозы — в сапогах...

а ведь там железо — в буровой..."

"Ну да твой-то Кеша — огневой,

а вот мой-то — уж на что мозгляк,

а туда же... я и так и сяк —

не слушал..."

...Осторожно, боясь наколоться,

над тайгой подымается месяц:

в дом проник через окон колодцы —

темень тонкими ножками месит;

притомившись, сидит на кровати;

то по комнате ходит по-свойски:

вот ощупал промасленный ватник

и проверил мой завтрак в авоське;

напоследок прозрачные пальцы,

как на клавиши, им на ресницы

опускает...

...не лунные вальсы —

мужиков возвращенье

им снится...

ТОПОГРАФЫ

Ах, топографы, топики!
Кругом тайга —
ни дороги, ни тропки.
Трудно шагать.

Болотная каша
хлюпает, тинится...
Зато под елью
ресторан и гостиница.

Ветки еловые
нежны, пахучи,
орехи кедровые
вкусны — нет лучше.

Болота топки,
тайга густа...
Идут топики,
чертовски устав.

Теодолит, как винтовка,
плечо натер.
Скорее палатка:
ночевка,
костер.

Сидят, отдыхают,
консервы жуют.

Костер полыхает,
создает уют.

Задумчивы, строги,
глаза горят.

Не топики — боги
со мной говорят.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

...и вот он — снег! —
как будто в мае
слетают с яблонь лепестки...
А запах?.. Что напоминает?..
В нем нет ни грусти,
ни тоски —
как будто из садов
зеленых
несет снежинок
мириад
тех,
еще будущих,
бутонов
неуловимый аромат...
...пусть из густеющего роя
снежинок
ветер вьюгу вьет —
мне для весеннего настроения
лишь не хватает... соловьев.

* * *

Ночь. Тайга. С тропинки сбился.
Продираюсь, как слепой.
От ветвей рукой прикрылся.
Дождь и склизь. Хоть "репку" пой...
Трудно было под Угутом,
но Сургут — почти "сургуч".
запечатает в кругу том
выход мне печатью туч;
распахнет сора при этом,
мох расстелет — что кровать! —
только знаю я примету:
мягко стелят, жестко спать...
Из последних сил шагаю.
От дождя совсем раскис.
Крепким словом поминаю
и Сургут,
и Черный Мыс...
"Черный Мыс... увидишь... прямо...
в темноте... страдай и вянь...
звался б он, к примеру, Мама...
или... скажем... Обоянь...
От него б тогда, конечно,
до меня пробился свет...
хоть бы к сердцу...
в тьме кромешной...
А Сургута — нет и нет..."

ПУРГА

Меня пургой не запугать —
мне нравится пурга,
когда взъяренная тайга
вздыхает небо на рога
и, опрокинув на сора,
ревет восторженно: "Ур-ра!..."
Когда на продувных сорах
разбилось небо в пыль и прах,
и все в космической пыли,
и нет ни неба, ни земли,
как миллионы лет назад
все вместе: рай, земля и ад...
Когда потом из белой тьмы
на твердь земную ступим мы, —
и горизонт от наших ног
пойдет на запад и восток,
с землею небо разделив, —
вдруг хлынет солнечный разлив...
В новорожденной тишине
весь мир иначе явлен мне,
А с неба падает пыльца...
И солнце капает с лица...
Тайга вокруг...
Иду по ней —
она и внове
и родней.

* * *

Как ружье взметнул,
уже не помню я,
но лежит в снегу,
что было молнией,
что промчалось мимо
вихрем белым...
Ах, дурак, дурак,
что я наделал! —
крылья куропатка распластала
возле стелых веток
краснотала,
неподвижна,
словно снежный слепок...
До чего же выглядит
нелепо
на ее груди дыра сквозная,
на снегу —
кровинки красным градом...
...Защемит в душе,
я это знаю,
будто раздавил нарочно
крепость —
детскую — из глины и песка...
И не то, чтоб явная тоска...
(Говорят: пройдет, мол, блажь,
нелепость...)

1963
Сургут

КОНЦЕРТ

Едва нога на снег опустится —
и словно скрипки голоса.
В тайге отличная акустика.
когда мороз
под пятьдесят.
На темном небе,
как отдушина,
курится синяя луна
и льет, как будто
прямо в души нам
свет леденящий
из темна.
На спинах ватники
куржавятся,
и обжигают нос очки,
но мне чертовски
это нравится,
когда,
как будто бы смычки
скользят по струнам,
что колышутся
и замирают под ногой...
По всей земле, наверно,
слышатся
шаги идущего тайгой!

1964
Сургут

МЕДУНИЦЫ

На Урале часты грозы.
И в одну из этих гроз
с треском рухнула береза...
Сколько, сладких, но ведь — слез!

Собрались они в низинке;
в теплых сполохах зарниц
превратились те слезинки
в разноцветных медуниц —

не топчи их своей модной
и безжалостной ногой.

Медуницы пахнут медом
и березовой слезой!

ВЕСЕННЕЕ

Это здорово, правда? —
очутиться в Тюмени
вот в такой же весенний
ослепительный день
и почувствовать заново
запах сирени
и увидеть
сиренево-синюю тень?..
Это здорово, правда? —
после серых, как скука,
и холодных, как смерть,
заполярных снегов
вдруг на землю упасть
и послушать: — А ну-ка,
как ты дышишь, земля?
Я — чертовски здоров!
Чуешь, как от меня
пахнет волей и потом,
и как ноги блаженно
гудят в сапогах? —
им досталось шагать
по тюменским болотам:
как-никак, а всю зиму, земля,
на ногах!..
Это здорово, правда? —
шагать по асфальту
в остроносых ботинках,
легко — как босой!

Так и хочется сделать
на улице сальто
или просто пройтись
по земле колесом!..
...В сквере возле вокзала
звонкогорлое пенье —
здесь скворцы начинают
раньше прежнего
петь...
Это здорово, правда? —
очутиться в Тюмени,
а потом
до весны
вновь в тайгу
улететь...

10.05.63.

Тюмень

* * *

Затейливых вод многолучье,
дырявая замша болот,
и под тяжелыми тучами
наш одинокий балок.

Безлюдье, как после потопа.
И в сырости первых ночей,
наверно, в отчаяньи кто-то
сострил: "Не балок, а ковчег".

Живет нас в кочеге немного,
в два яруса, восемь парней,
но с нашей работой и богу
не сладить за столько же дней.

И мастер опять убеждает:
— Не ной! За работу пора!
Не боги Сибирь обживают,
не Нои, а мастера.

1966

Тюмень

СУРГУТ

В речном порту,
на берегах Оби,
весь день рычат
от напряженья КраЗы.
Пыль на зубах
и на стекле кабин.
И синей дымкой
выхлопные газы.
Жара и пыль.
Комар и мошкара.
И перекур здесь
по-солдатски
краток...
Вокруг Сургута
вздыхлена Югра —
то наша жизнь
или вулкана картер?..
Но только ночь
прохладную ладонь
на лоб разгоряченный
днем
положит —
как начинается сумрак молодой
мое воображение
тревожить.
И просека,
что впереди легла,
мне кажется стремительным

проспектом,
а ель —
Адмиралтейская игла,
что стала Невской
вертикалью
спектра —
по ней узнаешь сразу
Ленинград.
и сердце на мгновение
затоскует
по четкой филигранности
оград
и по гранитно-крепким
Невским
скулам...
Кометой
ночь июньская летит.
Ее прозрачный шлейф
тайгу окутал.
И день,
как запоздалый гром,
гремит —
Сургут опять
становится
Сургутом...

1963
Сургут

* * *

У нас и в мае крутят вьюги
над буровыми карусель...
...Весна рождается на юге,
взрослеет в средней полосе.

Пройдя закалку на посевах
и силы солнечной набрав,
работать —
к нам идет на север,
могущественна
и добра.

У нас ей можно
развернуться:
у заполярных берегов
меридианы даже
гнутся
от плотных
нынешних
снегов...

1963
Сургут

ЖИЗНЬ ГЕОЛОГА

Легкой жизнью себя не прельщай,
жадно слушая песни геологов
про костер у палатки
и чай:
бескорыстное чувство долга
и ничем неизмеренный труд —
вот ее основные приметы.
Вся она —
беспрерывный маршрут,
где разлуки и встречи —
пикеты!

1963
Сургут

НА ЧЕРНОМ МЫСУ

М. А. Савину

Я пришел тетю Нюру провести:
как живет? Ведь прошло столько лет!
А она приглашает обедать,
как тогда: мол, пришел на обед?..
Тут же в сумрачной кухне заслонка
русской печки знакомо гремит.
Тетя Нюра подробно и звонко,
с придыханием чуть, говорит:
"Тот-то, знаешь, давно уже помер...
Эта — замужем, трое детей...
Ну а этот-то — выкинул номер!
деток бросил... а был грамотей...
В энпэу ноне кур продавали...
Овощ свежая так же в цене...
От меня поклонись своей Гале —
не забыли, гляжу, обо мне..."
От души принеся извиненье,
перебил я, услыша про кур:
— Основные-то измененья
не отметили вы, Тетянюр!
Я ведь только из аэропорта.
Видел стройку Сургутской ГРЭС.
НПУ... Изменений — до черта!
Не стерпел я, с автобуса слез,
шел пешком... До чего грандиозно!
Даже слов подходящих нет!..

Вдруг в открытой двери грациозно
появилась девица на свет.
— Бог ты мой! Неужели ты — Анка?!
Тетя Нюра прижала ее:
"Анка, Анка... Она — лихоманка...
Сиротинушка... горе мое!
Ведь Анисья сгорела от пьянки...
Эти учатся с Ольгой, а Танька
робит с год уж... Римка и Санька
получили на службе жилье.
Квартирантов теперича нету...
Рази только что эти... бичи...
Помотало их, горьких, по свету...
У иного жись —
криком кричи! —
а его все "ату"!, бедолагу...
Человек не нужен — дай гумагу!.."

Тетя Нюра! Когда ты спокойно
поживешь?!
Ведь имеешь пока
от своих подопечных
запойных
проку-то — что с козла молока:
не распилены даже дровишки,
покосились стайка, забор,
перегнившее сено на "вышке",
видно, с тех еще,
Мишкиных,
пор...

...Мы любили там с Савиным Мишкой —
на Олимпе! —
вести разговор
о высоких материях — вроде
бесконечности жизни в природе,
о работе, рыбалке, стихах...
Где ты, Мишка, мой друг необманный?..
Тетя Нюра сказала туманно:
Михаил, де, пошел в капитаны
далеко, на моря-окияны, —
вспоминаешь ли старый Сургут,
наш Олимп и веселую кухню
тети Нюры — наш теплый приют?..
Пусть очаг здесь вовек не потухнет!
Пусть опара в корчаге здесь пухнет,
пусть здесь воду из ковшика пьют.
Пусть голодного кормят обедом,
а озябшего греют теплом.
Пусть всегда добродушны с соседом,
и — бог с ним! — сердобольны с бичом! —
может, совесть и в нем шевельнется,
снова станет
на праведный путь
жалкий бич
и последний пропойца...
Тетя Нюра о всех беспокоится —
будешь здесь — к ней зайди,
не забудь...

1963, 1968
Сургут

* * *

Гроза промчалась
бешеною тройкой,
обдав водой
замешкавших людей,
и облака — что пена
с лошадей,
опавшая на ветхие
постройки...

И словно плетки
многохвостый кончик,
сверкнет разряд —
раздастся шелк тугой.
Над гривой леса
радуга дугой,
и вертолет над ней —
как колокольчик...

1965

Сургут

ЗОВ СЕВЕРА

Месяц в зените, как солнышко в тропиках...
Город в сплошном молоке...
Сколько знакомых! —
геологов, "топиков",
"Сейсмиков"! — словно в балке,
тесно стоят в растревоженной памяти
и приглушенно галдят...
Сами, должно быть, давно уже,
парни те,
в спальниках праведно спят —
только в ушах все отчетливей слышатся
верные их голоса...
Снег под ногами, как ртуть,
чуть колыхнется...
В небе плывет полоса
за самолетом...
Как белая тропочка,
к северу вьется она...
Месяц в зените, что солнышко в тропиках...
Ночь... Новый год... тишина...

1967
Тюмень

ВОСХОД

Перемогли декабрь...
И вот
идет само собой
Ярилы внешнего восход
пурпурно-голубой.
Ему навстречу я готов
бежать пока есть дух,
взметая снег из-под унтов,
как лебединый пух...

Искрится снежная пыльца
в лучах его косых —
с разгоряченного лица
смахну, как горсть росы...
Не бег, а словно бы полет
через кометный шлейф...
...Ярило высоко взойдет
и в небе ляжет в дрейф...
И будет день у нас тогда
под стать размаху дел —
пришла горячая страда
в полярный наш удел...

1985
Мегион

УТРО ИЗ БУРОВОЙ

Вот слышишь, слышишь — лучистый смех,
Буровую саблю, буровые струи...
Пусть же земля, изрытая на пролом —
Встретит вас, дорогие струны!

Люди — недра

Спасибо, вы благодарны.

1961. 1971

УТРО НА БУРОВОЙ

Меж стволов, словно клюквенный сок,
брызжут солнца бордовые струи...

Ну-ка, вышка, привстань на носок —
заиграли веселые струны!

Будет пляска твоя неспроста:
наша скважина — лучиком тонким
пробивается в дебри пласта,
в вековые потемки...

Ну а ты что смурная, душа?
Засветись, как бывало, приветно,
непогоды и тьмы не страшась.
Может, не безответно.

1963, 1978

* * *

Суторминка-Суторма!
Ягельник с брусникой,
бор веселый и урман!
Красота вдруг сникла.

Я пришел к тебе навек
другом... да вот татем
замутил истоки рек,
испоганил платье

и твои развеял сны
непотребным словом...
Колокольчик у сосны
истемна-лиловый —

растоптал его тягач,
что промчался мимо...
Суторма моя, поплачь, —
век неукротимый:

опустилися в урман
аисты-качалки...
Суторминка-Суторма,
мне ль тебя не жалко?

1985

БУРОВИК

В моей работе что-то есть
от снайпера и от сапера:
терпенье — это до упора,
везенье — нужно приобрести
упорством, а не разговором,
сомнения — проверь и взвесь,
злость — на расхлябанность и спесь,
страх — невозможности повтора
всего, что было, будет, есть,
надежда — что еще не скоро...
Любовь — она всему опора.
Работу завершает честь.
В моей работе есть все это.
и... вдохновение поэта.

1985

РАЗВЕДЧИКИ

В. С.

Зимой суровая и летом
однообразна и сера,
как первобытная планета,
Сибирь встречала нас вчера.
Среди холодного безмолвья
земли, продрогшей до костей,
лишь одинокие зимовья
нас привечали, как гостей.
Безрезультатную разведку
вели не год мы и не два,
и от сомнения нередко
ходила кругом голова.
Но не напрасно словом ратным
"разведка" называют нас:
не повернули мы обратно —
нашли в Сибири нефть и газ.
Нашли! Коварному неверью,
пурге, болотам — им назло.
Кто с нами тяготы не мерил,
пусть говорит, что повезло.
И пусть все меньше помнят первых —
нас заслонила та весна,
когда стремительным маневром
на Север двинулась страна
за черным золотом... Она
не всем давала ордена.

1972

* * *

На Ермаках такое разнотравье!
На Севере ли, полно, нахожусь?..
Не знаю, как здоровье травы правят,
но душу исцеляют —
дарят грусть
вот по такому ж разнотравью детства,
где первоцвет, дубравка и чабрец!
Цветочное
зеленое наследство! —
его на фронте защитил отец
ценою жизни...
Мятлик... кровохлебка...
Благословенна будь
вовек
травя!
Кипит в ложке
веселая похлебка,
и от пыльцы
светлеет голова...

На бочке с нефтью
лопнула заклепка —
на Ермаках
поникла
мурава...

1985

М. И.

Уходит геолог на пенсию...
Хоть трудно поверить,
но — факт:
его лебединую песню
прервал прямо в "поле"
инфаркт.
Что ж,
дети давно уж пристроены.
Жаль, виделись лишь в отпусках...
Квартира еще не построена,
но сделан уж взнос в ЖСК.

Работай по силе-возможности,
и — внуков пора поднимать.
Проста диалектика сложности:
знать, время долги отдавать...

Уходит геолог на пенсию...
А много ль прошло-то с тех пор,
когда свою трудную песню
с ним вместе запел
Самотлор...

1984

ДЕВУШКИ ИЗ НЕФТЕРАЗВЕДКИ

Были первые ночи здесь длинные,
были первые дни здесь короткие...
Нам казалось: вы очень наивные,
нам казалось: вы слабые, кроткие.
Вы язвили над вами в компании:
"Обморозите крылышки газовые.
Все равно упорхнете к мамочке...
Мы смеялись, слез не показывая...
Вы вчера еще — дочки мамины.
А теперь — для вас юрты Лямины
стали домом, семьей нефтяников —
вас не выманишь с Севера пряником.
Ах, девчонки, сибирские неженки! —
полюбились жарки
и подснежники!

1967

В ОТПУСКЕ

Редее леса шевелюра —
пятно сорочьего гнезда
вдруг проступило утром хмурым.
Слышнее стали поезда.

И дождь дымитя мелкосеем...
И словно на душе скребет...
...Пора, мой друг,
пора на Север
начать осенний перелет —
туда,
где свой
я начал профиль
и буду гнать уж до конца,
и где бесхитростные строфы
находят отзвуки в сердцах...

1986

* * *

Предвесенняя свежая синь.
Этот цвет, словно в радуге, ярок.
С фиолетинкой пятна осин...
Этот день — нашей жизни подарок!

Вдруг вдали показались дымы.
Не эскадры дымят под Цусимой —
что-то снова прошляпили мы:
факела день и ночь негасимы.

Меркнет неба сибирского синь
в серебристо-графитовом смоге.
И белеют скелеты осин
вдоль бетонной дороги...

А на сердце ложится печаль, —
словно слышу щемящий и звонкий,
так тревожащий русскую жаль,
плач души — про манчжурские сопки...

1984

ЛЮДИ И НЕДРА

Не дает эта тема покоя:
мы и недра... земля — человек...
"Заболев" этой темой давно я
и не знать мне покоя вовек...
...В октябре
того давнего года
в свою вахту крутил я штурвал
на рабочей задвижке отвода
когда кто-нибудь к нам приезжал
из начальства высокого ранга.
Фотокоры центральных газет
так и эдак,
и с тыла, и с фланга,
выбирали —
похлеще! —
сюжет...
Нефть гнедою
лохматою гривой
богатырского,
с храпом,
коня
на ветру развевалась,
пугливо
в языки превращаясь
огня...
Наконец, разлеталось
начальство,
я задвижкой фонтан укрощал.

А к Оби
сатанинским причастьем
нефтяной
ручеек
припадал...

Очень любим мы круглые числа:
сотня!..
тысяча!..
и — мил-лион!..
Словно яблоком Еву
нечистый,
вовлекают в греховный полон
эти числа:
снимают запреты
с "не солги", "не возьми", прочих "не..."
Сколько было порока пригрето
в этой
число-парадной
стране!
Продвиженья,
награды витали...
Все кричали победно: "Ур-ра-а!.."
задыхаясь,
фонтаны хлестали
в браконьерские штуцера.
И вода прорывалась к забою,
обводнялись не просто пласты —
размывались всей жизни устой!
В летаргии мы были с тобою?!
Что возьмешь с нас?!

Чуть что, мы — в кусты
всевозможных инструкций, приказов:
"План — закон!..
Го-су-дар-ствен-ный! план!"
Подводить научились мы базу
под всеобщий обман.

Мы привыкли, что Недра выносят
обращение с ними на "ты",
отдают все,
награды не просят...
Ну а мы-то,
слепы, как кроты?!
Так и будем нахальничать с ними
до тех пор,
пока есть чего брать?!
Ведь запасы невосполнимы!!!
Как мы это не можем понять...

Эйфория "открытия века"
собрала
свою горькую дань.
Человек,
пожалей Человека,
по-библейски
погибнуть
не дай...

1984

* * *

На песчаных буграх
бор сквозисто шумел.
Он в июле живицей
душистою млел...
Но прополз вездеход
искрометным драконом —
головешки и пни
задымили по склонам...
Уж не ты ль его вел,
знаменитый "Алеша"?
с комсомольскою песней
о жизни хорошей?..
...Ты стоишь на юру
Командором бетонным.
Дон-Жуаны с Югры
остригают купоны.
Может, сердце твое
воспылает от гнева:
ведь в руках Дон-Жуанов
Югра — твоя дева
и она умоляет,
твоя Донна Анна:
"Защити от греха:
соблазняют обманно!"
Ты сойди с пьедестала
и пойдя Командором
по буграм Покачей,
берегам Самотлора...

НОЧЬ ПЕРЕД ВЫЛЕТОМ

Ночь, скорей прокрути одноцветные ленты,
ты сегодня длинна, как продленный сеанс!
Завтра я обниму свою доченьку — Ленку,
загляну ей в глаза, что чисты, как Севан...

Ну, мелькайте скорей предпоследние кадры!
Свет включают уже, выводя реостат...
Мне не терпится сквозь кочевые эскадры
облаков пролететь и пред Ленкой предстать...

Будет Ленка стоять посредине паласа —
синеглазый отросточек мой, златовласый,
укоризненно скажет: "Отецька!.. Папец!.." —

И, со всхлипом, прижмется ко мне, наконец...
Будем долго стоять мы с ней тихо, безгласно,
не мешая общению наших сердец...

МЕТАМОРФОЗЫ

Когда в разгаре словопренья
о чистоте таежных вод
оратор минералку пьет, —
в кассетнике воображенья
включаю я обратный ход,
и все дымы, —
из дальних далей
и эти,
ближних факелов, —
став газом,
нефтью, —
в пласт вбежали,
как джин:
в кувшин и — был таков!
Деревья встали из лежневок —
осинник, ельник, кедрачи...
Но и бетонка
с жутким ревом
в карьерах
грохнулась в ночи...
Нет пленки нефти на Баграссе,
на Меге, Покуре, Оби...
Пейзаж по-своему прекрасен:
даль безмятежна,
гладь рябит...
Стоят невзрачные домишки
вдоль Саймы...
Берег невысок.

А рядом —
— с ананасы! —
шишки
роняют кедры на песок...
Но вместо нас — другие люди
ведут разведку... Кто они?..
Где и когда открыться будут?..
Что с ними станет в наши дни?..

Как ни крути, но знают в мире:
ведут потомки Ермака
вглубь
покорение Сибири
с Шайма и Усть-Балыка!..
Кассета, впрочем, тут другая!
Года, как полая вода...
В Нефтеюганске я... в Пургае...
а верно ли я шел сюда?..
Рассудок успокоить можно
цифрой, логикой...
А как
быть с сердцем?..
На сердце тревожно:
а вдруг я жизнь прожил не так?..
И все же: годы...годы... годы...
прикрас не нужно вам
сейчас!

Прошу прощенья у природы:
у вас, леса,
ручьи, у вас...

Винюсь,
как самый окаянный...
Лишь горько мне порой до слез,
что рядом
вместо покаянья
идет сеанс метаморфоз...

1985

Иронические стихи

СЕВЕРНАЯ ПОГОДА

Вчера тучная погода,
дождь, ветер, туман,
и сегодня, во время снегопада,
"ветушиный туман" и туман...

Иронические стихи

СЕВЕРНАЯ ПОГОДА

Вчера погода осерчала:
дома ходили ходуном,
и солнце, кажется, качалось
"летучей мышью" за окном...
А нынче вышел спозаранку —
стоит такая тишина!.. —
как будто после перебранки
ушла с детишками жена...

1964, 84

* * *

Сосед меняет двери,
меняет косяки.
Но сам уже не верит
в запоры и замки —

и пса сторожевого
заводит мой сосед.
И ничего такого,
конечно, в этом нет.

Вот, скажет, принял меры,
но, оказалось, зря!
Украл, скажет, веру...
Не сам же потерял?..

1986

“ДОМИНО”

— Ну-ка, хлопцы, цыц!
Нам начальник ЦИТС
указанье дает: "Забуривай!"..
А не то вас там
разгоню к чертям!
За что деньги платят, забыли вы?!"
— Ясно, что за вопрос!
Но такой мороз,
что железо, проклятое, сыпется...
И садится свет —
напряженья нет,
подождать бы надо, не рыпаться...
Пар идет едва...
Нефти нет — дрова...
В трубке треснуло что-то, забулькало.
Замерзал эфир?
Но сквозь "тире-тир"
прорвалось, умолая: "Забуривай..."
Я бы мог в ответ
отказаться: — Нет!
От усталости все качаются.
И что смены нет.
И пустой обед —
в котлопункте продукты кончаются...
Да ведь знаю: чать,
на него кричат,
и с него вытряхают: "Забуривай!.."

1986

* * *

В котлопункте на "кусте"
непривычно пусто...
На "первое" для гостей —
щи из капусты.
— А "второе"?..
Нам в ответ,
чуть не плача, Маша
говорит:
— Котлет уж нет,
только пшенка... каша...
Успокою Машу:
— Сыпь —
с добавкой! —
кашу:
хоть сейчас наестся,
не пришлось коль
в детстве...

1986

* * *

Только ветер-листобой,
следом ветер-шишкой —
неразлучны братцы...

Сколько золота натрес
первый ветер у берез —
можно догадаться...

Ну, а ветер-шишкой
от досады поднял вой —
провели беднягу:

браконьеры не впервой
в кедрачах творят разбой:
в топоры! — и — тягу...

Ну-ка, ветры, хватит выть:
браконьеров надо бить!
Чтобы знали: над тайгой
ходит ветер-лихой!

1986

* * *

Зима, капризная старуха,
поистине вся извелась:
то сыро ей,
то слишком сухо:
то жестко...
Наконец, из пуха
перину взбила...
улеглась...
И вновь сердито закричала:
— Ну где их носит, пострелят? —
и колыбельную запела
для внуков —
крепких морозят.

1986

НОВОГОДНЯЯ ВАХТА НА БУРОВОЙ (шутливое)

Далеко мы от поселка...
Впрочем, что мы унываем?
Чем не праздничная елка
наша вышка буровая? —
Вся в огнях.
Сверкает иней...
Дизеля гремят оркестром.
Потолок — все небо! — синий!
Никому под ним не тесно...
Трубы стукнулись боками —
как шампанского бокалы,
и застылую тайгу
встрепенул застольный гул...
На "столе" у ротора
турбина — вместо штопора.
Нет бутылки и не надо —
согласилась вся бригада:
как созревшее вино,
ждет нас нефть давным-давно,
распирая все прожилки
недр от возбуждения:
открывать —
так не бутылки,
а месторождения...

1965

ЯНВАРЬ—77

У вас январь — морозец, выюга...
А то — опять поплыл каток...
У нас январь, .. нет, январюга! —
неимоверно был жесток:

рессоры сыпались у КраЗов,
солярка резалась ножом.
И разговор короткий:
фразы
просты,
увесисты, как лом!
Почти везде простой по акту:
металл не терпит...
Люди — что ж? —
не рад жестокому антракту
последний лодырь...
...Бесит все ж:
ну почему морозный вирус
лишь нашу технику разит?! —
вон в сизом мареве
"Магирус" —
шумит, как примус, паразит...

1977

* * *

На перевоспитанье тунеядок
саратовских
прислали к нам косяк.
Сам по себе сей факт
вроде пустяк,
но... плод грехопадения сладок —
и жизнь пошла вдруг
наперекосяк...
Все дело было в женском дефиците.
А тунеядки были хороши!
При дефиците — разве до души?
Парней вы наших строго не судите,
не проработав года три в глуши.
"Гудели" даже лучшие бригады.
Срывались вдруг степенные "деды"!
И жены их, в предчувствии беды,
во всю шумели: "Чтой-то делать надо...
Начальство-то у них глядит куды?!"
...Начальство воспитаньем занималось,
грозило увольнением по КЗОТ...
Но получалось все наоборот:
смеясь, одна красotka раздевалась:
— А ну, давай, начальник, чья возьмет?..
Ретировалось, матерясь, начальство,
ослепнув от нахальной наготы.
— Куда ж ты, — вслед неслоь, —
сымай порты!
Не убегай от собственного счастья!
Смотри, "кудрявый", пожалеешь ты!

...Во взрыве есть порядок, ну, а люди
уж как-нибудь порядок наведут:
ведь главная потребность наша — труд!
— Погужевали малость,
ну и будя!
А то ведь нас... в Саратов упекут! —
один,
другой
сказали тунейдке
Иная и задумалась всерьез:
ведь кроме стаканов и папирос,
держали ж руки книжки
и тетрадки,
и возникал —
"зачем живешь?" —
вопрос...

Начальник первый, не пугаясь сраму,
что тунейдкой злостной покорен,
на ней женился...
Все как в мелодраме...
Два наших парня
сгнули бичами.
Потери были,
в общем,
с двух сторон...

1963, 1972

* * *

Я понял: времена сменились! —
не по газетам и часам...

...Ко мне однажды заявились
выпускники: "Наверно к вам?
Вот направление института..."
Провел я вводный инструктаж,
предупредил довольно круто,
чтоб применяли свой багаж
научный на рабочем месте —
начать придется им с низов.
Кто не женат, пускай невесте
шлет вызов... Кто женат, тот кров
найдет — пока в малосемейке
получит комнату... А там —
квартиру... И — в виду имейте! —
здесь по-ле-вые!
платят нам...

Я понял: времена сменились,
когда один из них сказал:
"С женой мы просто возмутились!
Ведь там не комната —
пенал!

Куда же мы поставим мебель?!"
Она ж в контейнере идет!"
И хоть на месте было небо,
я рот открыл, как идиот,
но понял: времена сменились!

1978, 1984

* * *

Местный "рафферти" ожил
неспроста...

Неспроста
сбросил старую кожу,
принял облик Христа,
он Голгофой пугает
и к смиренью зовет,
он один только знает
чего хочет народ,
поменял атрибуты
и словарный запас...

А уздечку и путы
нам из шелка припас.

1987

НЬЮКОНКИСТАДОРЫ

Старик, закончим словопрения.
К тебе мужской есть разговор.
Сора приобские — что прерии:
высокотравье и простор!

Седлай "мустанга" винтокрылого,
трястись по кочкам — не резон.
Сезон охоты? Я открыл его!
Сохатый — чем нам не бизон?..

Куда винчестеру до ижевки:
пятизарядный автомат!
Картечью врежешь — не залижется!
Рога, как логасты, торчат...

Трофеи — топором, как скальпелем:
рога, печенку, и язык...
Эх, спроса нет! А то б и скальпами
попромышляли мы, старик!

1988

* * *

Ты все мои мечты сожгла
в душе дотла.

В горельниках души моей
зацвел кипрей.

Печален цвет его цветов —
красно-лилов.

В горельниках души моей
отцвел кипрей.

Поник кудрявой головой —
совсем седой.

Вновь зацветает иван-чай —
развей печаль...

Смешанный лес

* * *

Кама!.. Цвет аквамарина
от твоей пошел волны.
В грезах Александра Грина
отзвуки твои слышны:
блеск вечерний Зурбагана,
шелест алых парусов...
Выплывает из тумана
плот — ясак твоих лесов.
Плот, как змей воздушный, замер.
Ветра, ветра и — взлетит!
Зацепила цепь за камень —
Кама данью дорожит.
Кама!.. Никелем сегодня
под луною ты блестишь...
Замер мост в высоких броднях,
отдыхает: плеск и тишь...
Видно внешнюю работу,
внутренняя — не для глаз.
Кама трудится до пота
изначально и сейчас:
щебень в гальку перетрется
в мягких камских жерновах.
Кама тешится и бьется,
раздается в берегах...
...Кама! Сумрак канул в омут.
Канул в лето отпуск мой.
Вспоминаться будешь дома,
Кама, ласковой волной...

ВЗГЛЯД СВЕРХУ НА КАМСКОЕ ВЗМОРЬЕ

Под нами Кама синей змейкой
играет с тенью облаков.
Вся предуральская земелька
ее поит из родников...

И вдруг — преграда из бетона.
Уткнувшись,
змейка улеглась
и превратилась вдруг в питона,
напировавшегося всласть...

Нет, право,
словно в страшной сказке:
не змейка, нет, и не питон, —
разлегся, вольно,
без опаски
всепожирающий дракон!

О, сколько он лесов и пашен
пожрал бестрепетно!..
А мы —
все восхищались морем нашим,
как пировали
среди чумы...

* * *

Октябрь, а навигация на Вахе
в разгаре: катера во всю снуют...
Но хмурый день в мерлушковой папахе
отары туч пастись угнал на юг, —

и вызвездило в ночь, пока мы спали
коротким, но как в детстве, сладким сном,
а утром — словно бы попали в Палех,
где черный лак в контрасте с серебром,

где отраженный мир означен резче —
сквозь черноту просвечивает суть...

И весь пейзаж пока очеловечен
лишь одиноким следом на мысу...

1987

* * *

Вах разошелся!.. Но кажется, днями
он остановится... Жаль...

Платье березки в воде приподняли,
пробуют: "Не холодна ль?.."

Вах затопил все поля и дороги,
полнится полой водой.

"Ах, убежать бы, да белые ноги
держит, видать, водяной..."

Лодочных весел короткие взмахи.

Глуби слились с высотой...

Так бы и плыть мне по Ваху
и ахать —

вешней дивясь красотой...

Да не судьба... Ждут меня буровые:
отдан я им до конца.

На вертодроме всхрапнут удалые
и унесут молодца...

1987

В УСТЬЕ ОСЕННЕГО ВАХА

Морозная ясность в природе.
Асфальтом вчерашняя грязь.
И слякоть душевная вроде —
надолго ли нет? — улеглась.

От гнуса очистился воздух.
Сора, словно степь, широки.
И уток растерянных, поздних,
доносится гомон с реки.

Сквозисты вершины деревьев.
Слоистый над ними дымок.
Глухарь, ныне редкостно древний,
тревожно глядит на восток,

где струи осеннего Ваха,
что вроде кудели льняной,
свивает приезжая пряжа
с мазутной обскою волной...

1987

Пора весенняя в природе
на Севере так коротка!
Пригрело только —
колобродит
все на глазах:
вот почка вроде —
и уж подобие листка...

...Был юноша, и вот — мужчина...
Как случилось, не заметил сам:
ведь почитают не по чину,
не по летам,
не по зачину,
а по законченным делам!

1972

* * *

Дочь моя дежурною сестрой
проходила практику в ожоговом
отделении третьей городской.
Привозили пострадавших
в шоковом
состоянии...
Сердце разрывало сострадание...
И от невозможности помочь
даже дома
всхлипывала дочь...
...Дочь моя! Страшна в ожогах плоть!
Но не приведи тебе господь
видеть муки тех, кому вспоили
души ложью...
На костре спалили б!

1987

* * *

Снега голубою Атлантикой.
По волнам на лыжах бегу.
Смотрю — чья-то Романтика
застыла совсем
в снегу...
Грею дыханьем...
Ресницы
дрогнули вдруг у ней...
И — не журавль, не синица —
стала она моей.
Связывай губы бантиком,
верь, хочешь — не верь.
Есть у тебя Романтика?
А у меня их две!
Только одна, не скрою,
вздыхает еще порой,
выплывывая —
с кровью! —
харчки
за полярный порог...

1964

* * *

Брезентом старой раскладушки
провисло небо до земли.

И нету хлеба ни краюшки.

На колобок не намели
в сусеках горе-поварихи...

Неутешителен прогноз.

А мы, промокшие насквозь,
спуско-подъем гоняем лихо.

— Нич-че, робята, натошшак,
оно полезно даже очень! —

нас успокаивая, так
бурильщик грозный, Генка Кочень,
меж делом

ласково бубнит

(куда девался прежний окрик?):

— Нич-че, робята!

Не бонбит!

Посля —

порадуется корке...

1986

ПРИМЕТЫ

1

Последних рябинок вязанки
холодным огнем занялись.
На теплую зиму изнанкой
ложится осиновый лист.

Я в добрые верю приметы.
Я знаю: чем позже отлет
станец журавлиных из лета,
тем мягче зима настает.

но вот уже с явной тревогой
гляжу в потемневшую высь:
дай бог, коль другою дорогой
станции на юг подались,

и клики прощальные
вьюги,
дай бог, пронесли стороной, —
лишь только бы
с дальнего юга
они возвратились весной...

2

Всклень ведра... Хлебы ставят в печь...
И "конь" вдруг фыркнул мой удалый...

На милой родине — на малой! —
все предвещает радость встреч!

Родимый край, непозабутый!
Тебя узнать мне трудно все ж:
где колосилась прежде рожь,
поля траншеями изрыты;
пятиэтажка — здесь был дом
наш, пятистенки деревянные,
и вместо речки безымянной —
заросший ряской водоем;

и вместо лип и тихих ветел —
обрубки пыльных тополей...
И пахнет химией с полей...
Давно ль так, земляки, живете,
что вместе с радостью — печаль?
Так изменился лик планеты,
что и народные приметы
не подтверждаются...
А жаль.

1986

* * *

С дебильным ребенком старик
стоит у обрыва.

Бессильно ребенок приник
и стонет с надрывом...

Вразбежку летят катера,
плывут теплоходы.

В коварных воронках Тура,
вода в ней
что годы:

то шумным весельем полна,
то жалостным всхлипом...

...опять предлагает волна:
либо-либо-либо...

* * *

Ну что ж, таким не шутят:
живи сама собой.
Пусть будет все, что будет,
хоть синий громобой.

Живи счастливым домом...
Успеет сердце в грудь
ударить тихим громом
и мир весь всколыхнуть...

Познав судьбу подвоя,
себя я вновь корю:
как ни крути, нас двое,
мы на одном корню...

* * *

Тополя отстреливают ветки,
крона разрослась — не по корням:
как никак, побеги — те же детки,
будут сок тянуть, просить: ам-ам!..

К тополям — претензии какие?
Сколько хочешь, их кори, стыди.
А вот люди — девки молодые! —
отторгают деток от груди,

так же их безжалостно бросают,
как сегодня ветки тополя...

Тополя из веток вырастают,
если принимает их земля
так, как сердобольные соседки
привечают
на Руси
сирот...

Тополя отстреливают ветки —
видно, время трудное грядет.

1988

В СТАРОМ СУРГУТЕ

Наши финские коттеджи
так светло смотрелись
прежде,
но за двадцать с лишним
лет
потеряли цвет,
лишь свет,
исторический,
незримый,
ореолом,
как над Римом,
над постройками тех лет...
...а иных уж вовсе нет.

1981

НАСТРОЕНИЕ

Я живу с интересом, о будущем думаю часто.
Отделить не могу ни на час от работы себя.
Все в ажуре как будто: не очень ругает
начальство,
виноватым не чувствую ни перед кем
из ребят,
Перспектива — вообще...
А душа все равно беспокойна...
Засвербит иногда —
от того и грущу, и сержусь:
будто слышу команду призывно:
"По ко-оням!.." —
ногу в стремя занес,
а в седло
не сажусь...

1972

АРБУЗ

Веснушчатый сопливый карапуз,
сосредоточенно — как все на свете дети, —
держал зелено-голубой арбуз,
с меридианами,
как на земной планете.
Как взрослый, щелкал пальцем по коре,
сжимал в руках,
прикладывался ухом
и — уронил...
Разбился во дворе
арбуз на половинки, охнув глухо.
Лежат остатки,
как материи.
И багровеет мякоть,
будто магма...
А в мире тишина...
Мать от реки идет с бельем.
Он побежал к ней: — Ма-ама!..
И матери в подол
уткнулся карапуз...
Но я хотел сказать
совсем не это —
она сорвет еще один арбуз,
а вот у нас
другой планеты
нету!

1964
Сургут

БАЛОК

Ване Рябову

Помнишь, с вахты приходили
мы, продрогшие, в балок
и соляжкой разводили
в камелечке огонек?..
Помнишь, в спальники забравшись,
после ужина с тобой
спорили про будни наши
и мечты наперебой?
Но на том всегда сходились,
если честно говорить:
мы в таких балках учились
и работать, и дружить.
Эти праведные мысли!
Этот наш походный кров!..
Мы с тобой сегодня вышли
на проспекты городов,
тех, что выросли за нами,
где у нас полно друзей.
А балок сдадим на память
в краеведческий музей.
И придумаем, товарищ,
песню мы про свой балок
вроде песни про фонарик
иль солдатский котелок.

1972

* * *

У машины ракетная дрожь.
Перегрузки едва переносятся.
Как хвостатый космический дождь,
снег навстречу и — мимо! — проносится...

Свет дробится в потоке снежин,
вылетающих из бесконечности...
Чтобы веки мне сон не смежил,
буду думать о космосе, вечности...

Руль свободно и крепко держа,
я на "газ" до предела нажал —
сквозь заносы лечу одиночества...

Мне с тобою так свидеться хочется!
Без тебя я, что в поле межа,
без тебя я — что имя без отчества...

1987

* * *

Не за удачу нравится охота,
не за смолистый
голубой озон
в сквозном бору,
не за дурман болота
и не за встречи
с теплою грозой...
И не за крик,
томительный и колкий,
за журавлями
тянущийся вслед, —
за несравненный вкус
засохшей корки...
Вкусней ее
лишь хлеб
военных
лет...

1963

* * *

Гроза прошла,
но посмотри,
какое совершилось чудо:
леса,
подобно изумруду
вдруг засветились
изнутри:
янтарно светятся
поля,
в твоих глазах
души свечение...
И вся вздыхает
с облегчением,
как бы проплакавшись,
земля...

Закат на оттенки богат,
на каждый — примета в народе.
Телесного цвета закат
к какой, интересно, погоде?

Уж больно в нем нежны тона...
Румянец его золотистый
бледнея, меняется на
какой-то тревожно-землистый.

И неуловим
переход
оттенка в оттенок
и в жизни:
родился ведь только,
но вот
друзья уж пируют на тризне...

* * *

С ладони
майские жуки
стартуют, словно вертолеты,
сменив тепло твоей руки
на холод
вольного полета.
Хоть чувствует еще ладонь
томящую шершавость лапок,
но не поймешь еще ладом,
что в ней остался
только запах,
воспоминание о том,
кто здесь
еще недавно ползал...
...и чтоб не каяться потом,
лети за ним,
еще не поздно.

Счастье может быть карточным,
может быть счастье ромашковым,
с привкусом
сладко-паточным,
иль горьковато-фисташковым.

Есть счастье, наверно, во власти,
есть счастье души возрожденья.
Много на свете счастлих —
целые месторождения.

Богатые и скудные,
открытые, подспудные...
Но самое — верное
счастье —
то, которое трудное!

* * *

Луна пошла уже на убыль,
Поземки жесткие метут.
Твои смеющиеся губы
всю ночь покоя не дают...

...а сердце? сердце вдруг заныло.
Жаль происшедшего?.. Бог весть!
Теперь не только "будет" —
"было" —
на радость или горе? —
есть...

* * *

Озадачило закат
из-под туч лиловых рдеет.
Что-то будет?
Буря, град?..
Травы спеют,
жито зреет...
Ветлы снулые стоят...
Бабы пьяные судачат:
— "Коленвал" — три шиисят...
— А "какдам"?..
— Как раз на сдачу...

1979

* * *

День прошел, словно списан по акту,
чтоб уже не вернуться назад.
Тут же черные тучи, как трактор,
распахали созревший закат.

Как колосья, сквозь влажные клочья
пробивались, качаясь, лучи
и ломались, прижатые ночью.
Беспокойно кричали грачи.

И меня поднимало на гребень,
как ладью, потерявшую руль.
Но проклюнулись звезды на небе,
словно озимь
на черном пару.

1968

* * *

Усталые листья притихших лесов...
Когда же ты кончишься, долгое лето?
Ни звука... ни эха былых голосов:
все бодрые песни
уже перепеты;
И вызрело все,
что способно созреть,
и замерло все на волне апогея...
Но — пискнет синичка, одна, на заре —
партер оживет, загалдит галерея,
закружатся в плясках цыганских леса,
и ветры поставят свою хабанеру...
...Вот так и в душе вдруг —
предчувствую сам:
чу! шорох листа,
подрывающий веру
в затишье,
в загладье,
в забвенье,
в застой!
Лист падает!
падает
лист
золотой...

1987

В ОРАНЖЕРЕЕ

Цветы причудливо очерчены.
Цвета — упрек воображению.
Я приходил сюда доверчиво
и попадал к ним в окружение.

Я гладил — будто гладил волосы —
прохладно-огненную лаву...
А в воскресенье гладиолусы
склоняли шеи на прилавок.

Из покупали к дню рождения,
и просто так, чтоб был уют...
У красоты нет снисхождения,
когда ее расгрождают.

* * *

Подарил я кому-то спальник.
И рюкзак на месяц связал.
Шумный южный базар, как вокзал.
И как кедр, привычны пальмы.

Каждый день озорник Ашот
водит в горы меня и к морю.
Я хожу за ним и не спорю.
— Карашо!?
— Как в тайге — хорошо!

Аппетит, словно мы в маршруте,
где любое ведро — мало...
Понимает нас тетя Маро
и быстрее свой вертел крутит.

Забегают к нам волны в гости —
буруны, как мерлушка папах,
Морем я, будто хвоей пропах
и прожарил на солнце кости.

Меньше ноет уже поясница,
и суставы почти не хрустят...
Хорошо тут,
А месяц спустя,
начинает мне
север сниться...

1967

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

В ложбинке локтя бьется жилка синяя...
А руки так обманчиво слабы:
мне не разжать ладонь, где скрыта линия
твоей судьбы.

Под нежной кожей жилочка пульсирует...
Но, прикусив припухший край губы,
ты говоришь невнятно, чуть грассируя:
"Прочь — от судьбы!"

В ложбинке локтя бьется жилка синяя...
Зачем ты понапрасну напряглась?
Уйду я... Но ведь знаешь ты, что линия
твоей судьбы
с моей
пересеклась.

ЗАХОД НА ПОСАДКУ

Пятнисто-крапчатая тайга —
творенье импрессионистов...
Как паутина в небе мгlistом —
не на оленьих ли рогах? —

мерцает легкий алюминий...
"Железка" узкою лыжней
блестит на солнце, к гривам льнет
и исчезает в дымке синей...

Во всем томленье и печаль...
К тревоге общей сопричастье...
Не обернется ль это счастьем
едва,
едва ушедши в даль?..

Иль будет просто приземленьем
в мир тишины — без сожаленья?..

* * *

По Югану все смородина
да брусника — во бору...
Ой! Сибирь, вторая родина,
я пришелся ко двору!

Четверть века все же шаяла
думки искоркой в углях:
если что, так ведь Большая, мол,
за Уралом есть земля...

Ведь сюда я шел не рекрутом —
заманили глубь и ширь,
И теперь большее некуда
и родней, чем ты, Сибирь!

На твоих ли на просторах-то
уработаюсь я всласть.
У меня довольно пороха:
и запалке — не пропасть.

Леночке с Анастасиею —
синеглазым дочерям
им любовь свою к России я
и к Сибири
передам.

1984

* * *

Пригрело... наст уже не держит —
по пояс ухаешься в снег...
Имеет все предел, но где же
предел терпенью, человек?..
Немногословен и неистов,
ты из каких стремлений сшит?..
Снег разноцветно и зернисто
в твоих следах еще шуршит,
а ты уже средь сосен скрылся,
неровно двигаясь вперед...
Как жаль, что у тебя лишь крыльца!
Им не поднять тебя в полет.
Да ты, похоже, не в обиде,
и по душе тебе ходьба:
твой след упорный
людям виден.
И в этом вся
твоя судьба.
А моему долготерпенью,
я чувствую,
пришел конец:
я поправляю оперенье,
как припозднившийся скворец.

ОСТРОВОК НА ЮГАНЕ

Пусть остался один только остов,
мертво вставший на все якоря —
ледоходом израненный остров
не сдается, как крейсер "Варяг"!
Может это не к месту сравненье,
только я вот прогнать не могу
появившееся впечатленье,
будто остров стрелял по врагу —
по ушедшему с грохотом,
гудом
беспощадному полчищу льдов, —
из своих уцелевших "орудий" —
задымивших
зеленым
стволов...

...Мне ль теперь
расписаться в бессилье
под напором обид и тревог?..
Скольких жизнь за моря уносила
иль кромсала, как тот островок...

* * *

У голубики цвет или свет —
когда она под осень спеет?
Весь голубичник голубеет,
как долгий северный рассвет.

В себя вобрав голубизну
тумана, сумерек —
тревогу
берет у сырых и убогих,
когда, вздохнув,
они уснут? —
не от того ль тот синий цвет
щежит мне сердце с малых лет...

* * *

Милые березки!.. У меня
легкая рука, наверно, все же:
как вы в рост идете, затеня
мне окно веселою мережей!..
По соседству шелковистый кедр —
как мальчишка, приотстал он в росте.
И цветет шиповник в холодке,
с длинными колючками — как остью!
Те, кто забывает доброту,
вряд ли на нее способны сами...
Мне ль забыть ржаную корку —
ту,
даденую добрыми руками?..
И — вот вдруг устал я от людей.
Не дает мне радости работа...
От того ль стремлюсь я в плен ветвей
в этот длинный день солнцеворота?..
...Я полью вас дождевой водой,
чуть зацветшей,
из дубовой бочки.
Примите ль меня в свою юдоль
боковым
молоденьким росточком?..

1981

* * *

Ну что за прелесть — зимний лес! —
и узнаваемый и новый!..

...как будто хоровод невест
вдруг закружился, право слово,

На всех прозрачные обновы.

Счастливый смех звучит окрест.

Могучий кедр, как добрый дед,
красиво, по-кавказски сед.

На ветках иней, снег на лапах.

И пни серьезные в папахах.

Вот зверя неторопкий след.

Девичий снежно-хвойный запах...

И мысли, легкие, как иней...

Неужто все это покинем?

1985

ЖАРА

Часов пятнадцать в сутки полных
жара такая,
что подсолнух
не смотрит солнышку
в глаза —
готов войти по шляпку в землю...
А под листом поникшим
дремлет,
шурша спросонья,
стрекоза.
Жара...
(но холод — окаянней!?)
В речушке нашей безымянной,
лениво на струе держась,
чуть подгребая плавниками,
как запыхавшийся,
глотками
хватает
жадно
воду
язы...

* * *

Пришел, как солдат на побывку,
на север апрельский день.
Воздух — хмельной наливкой.
Синим платочком — тень.

Сияет луна, как пряжка.
Скрипит дороги ремень.
На сердце — радость
в упряжке
с предчувствием перемен!
В свадебном ритме
и темпе
пурга
поет отходной:
май на пороге —
"дембель!" —
пьяный
и молодой!
Мчит во весь дух
на картах,
солнце во лбу — кокардой!

ОЗИМКИ

Светло-сиреневый день.
Далей прозрачная ясность.
Телу сопутствует тень —
безукоризненна гласность.

Вдруг, словно хлопком-сырцом,
неба забились застрехи,
тени исчезли с концом,
и не пройти, не проехать.

Хоть во весь голос кричи:
глухо, все — войлок и вата...
Много конкретных причин
и — никого виноватых.

Снова броском и рывком?..
Зуд нетерпения гложет:
солнца и ветра ревком
скоро ли зиму низложит?

1985

* * *

Когда житуха так припрет,
что вроде некуда и деться:
не помогает мумие,
жень-шень,
бальзам,
горчичный мед
и патентованные средства, —
давайте мы, как в раннем детстве,
рванем куда-нибудь тайком!
Повыше закатив штанины,
по травке, колкой как щетина,
еще до солнца, босиком,
лутошку выдернув из тына,
пойдем подмытым бережком,
вновь испытаем холодок,
когда земля вдруг из-под ног
пойдет ("лишь не видала б мать!")...
И убедимся мы, что впрок
пошел рисковый тот урок:
с волненьем будем наблюдать
с водою глыбы столкновенье...
в обрыве свежие коренья —
ну как их вдруг не пожевать?! —
в них, может, наше исцеленье...

1985

* * *

Медленные сумерки России,
предвещаая грозовой рассвет,
окоем кроваво оросили, —
ни рассвета,
ни расцвета
нет.

Медленные сумерки России...
То — рассвет иль лунной ночи тень?
Меднолобых мы превозносили,
принимая их за ясный день...
Медленные сумерки России...
Сколько раз пытались соловьи
одолеть вас —
не хзатало силы,
в клетки попадали — из любви.
Медленные сумерки России —
занавесов, катаракт и шор —
сумерки тревожные, косые,
чуть развиднелись с недавних пор...
Медленные сумерки России!
Черный цвет —
и серый!
надоел!
Сумеречный страх
в душе —
осилим:
жизнь при солнце — вот он, наш удел!

1985

НОЧЬ НА ВАН-ЕГАНЕ

Зарницы с четырех сторон...
Со всех сторон — зарницы!
В сплошных зарницах небосклон —
их отблески на лицах.
Зарницы мечутся вокруг
неистовей в ненастье —
как будто вырвалась из рук
жар-птица — призрак счастья,
да не успела улететь:
по перышку разъята...
Неужто так ей — век гореть?..
И к нам идет расплата:
остались призраки друзей —
кровавый свет в глазницах...
И даже в облаках газет —
отражены зарницы!
И сомневаюсь я уже:
могла ли ночи темень
когда-то жить без миражей
или загробных теней...

В МУЗЕЕ ЯНТАРЯ

Комар
в прозрачном янтаре,
как в меде,
крылышки расправив,
который век летит на запах теплокровных...
А мы все более имеем шансы
в своем дерьме
намеренно погрязнуть —
(купаться запретили повсеместно!) —
но сохранимся ли в нем, вот вопрос?
А если сохранимся,
кто тогда
сочтет возможным, поборов брезгливость,
рассматривать с таким же интересом
останки наши?.. Кто?..
В ответ
не писк ли слышу комариный?..

* * *

Навалилась на меня кручина...
Вроде я подъем все время брал —
впереди маячила вершина,
оказалось — пройден перевал,

и сейчас иду я вниз под гору...
и вершины нету впереди...
Что ты скажешь, проводник, —
который
мне про восхождение твердил?..

...Успокойся, ножик — перочинный,
я в раздумье посох свой тешу...
Навалилась на меня кручина,
но ее развеять не спешу:

хоть кручина — это ли не горе? —
все ж к ней ближе горькая печаль...
Да и так ли это надо — в гору? —
может, проще — в голубую даль...

1986

* * *

Проплыл когда-то грустный иван-чай
в окне вагона на разъезде дальнем, —
и я обложен данью невзначай:
плачу ему
своим воспоминаньем...
Осенних дней
мельчают
жемчуга...
Ночей графит все мягче и жирнее...
Рисую ночью твой портрет,
чужак:
чем дальше — некрасивей,
но — вернее...
Убрать бы мне в запасник этот лист.
И выспаться...
Но я опять разбужен:
графит ночей
холодно-серебрист,
к рассвету ближе — матово-жемчужен...

1989

В ЦЕНТРЕ СОЮЗА

...и лес как лес... и небо как везде —
высокое — над Западной Сибирью...
И взору праздному, пожалуй, скушно здесь,
как над морской в штиль — синеватой ширью.
И, как везде, темношатрова ель...
И ягельник хранит прохладу почвы —
все, как вокруг на тридевять земель:
извечно, перевозданно прочно...

Обычно все — когда б не эта весть:
здесь центр страны!

Союза пуповина!

...Я думал, что узнав про эту честь,
восторженно
зашелестят осины...

Но, к удивленью,
все
как было,
так и есть:
спокойны и подлесок,
и вершины...

1987

* * *

Багульник в рост пошел. Его побеги
друг к другу жмутся, ушки наострив.

Он не зацвел еще, но сладкий запах
багульника

в симфонии таежного дурмана,
как скрипка среди фаготов и гобоев,
звучит в прохладных сумерках особо...

А мшанники — как Млечный путь, мерцают:
там зацвела чудесная морошка.

Ее цветы сияют, словно звезды
первой величины...

Цветочки клюквы —
сродни метеоритной пыли...

И тут же лебеди,
расправив мощно крылья,
бегут по отражению заката...

Погасли звезды... их лучи опали,
как лепестки...

Июньским длинным днем
аккумулирует в себе морошка солнце,
чтоб превратиться в солнечную каплю
со временем...

...чалдонский чай! Моченая морошка!

Даруете вы путнику усладу
тела, благодать духа, радость жизни.

В ХАНТЫ-МАНСИЙСКЕ

Г. И.

Сейчас весь городок в дремучем инее,
и улица, как сказочный тоннель...

...На тихом теплоходе местной линии
мы здесь бывали в свадебном турне.

Нас бабка Марья, траурно-угрюмая,
приветила, как бабушка Яга.

Пила "ликерчик" из граненых рюмочек
и часто поминала старика.

Пекла на завтрак "драные" оладушки,
жалея, что мы с нею не родня...

Тебя она звала степено: "матушка",
и несолидно: "дитятко" — меня...

Гадала нам она деньки веселые,
себе брала разлуку и тугу...

...В сердцах сбиваю синий иней
с елок я:

в долгах я перед вами —
как в снегу...

* * *

Как люблю я берез белостволье!
Словно в шумном девичнике
там
сердце полнится сладкою болью,
отдается забытым мечтам...
Мне по нраву, признаюсь, открытость
сосняков на песчаных буграх,
островерхая ельников крыша
и приволье широких дубрав...
Но всего мне милей перелески!
Жизни в них полнокровнее ток:
спор вершин уважительно-веский,
разномастной листвы лопоток...
Не ведется там счета обидам
у заросших траншей и трясин...
Не имея на жительство вида,
там березы растут средь осин...
Подосиновик из-под березы
красной шляпой призывно махнет.
По весне сок березы тверезый
муравей безбоязненно пьет...
А как весело там в водополье!
Птичий грай всех разбудит окрест!
Хоть люблю я берез белостволье,
но милее мне
смешанный лес...

1988

* * *

Теплынь!.. Словно лето вернулось
отдать нам с тобою должок
за сырость июньскую, хмурость...
Учись у природы, дружок:

долги отдаются сторицей!
Пре-красен платеж, подивись:
деньки журавлиной станицей
кругами возносятся в высь...

Как жаль, что их мало осталось...
Но в памяти ты сбереги
такую, казалось, бы малость —
как солнце вернуло долги.

1988

СОДЕРЖАНИЕ

Новая планета

"Знал я, что Россия необъятна..."	5
"Летим! — не в космос..."	6
Усть-Балык. 1961	7
Топографы	9
Первый снег	11
"Ночь. Тайга..."	12
Пурга	13
"Как ружье взметнул..."	14
Концерт	15
Медуницы	16
Весеннее	17
"Затейливых вод многолучье..."	19
Сургут	20
"У нас и в мае крутят выюги..."	22
Жизнь геолога	23
На Черном Мысу	24
"Гроза промчалась..."	27
Зов Севера	28
Восход	29

Люди-Недра

Утро на буровой	33
Суторминка-Суторма!	34
Буровик	35
Разведчики	36
"На Ермаках такое разнотравье!.."	37
"Уходит геолог на пенсию..."	38
Девушки из нефтеразведки	39
В отпуске	40
"Предвесенняя свежая синь..."	41
Люди и недра	42
"На песчаных буграх..."	45
Ночь перед вылетом	46
Метаморфозы	47

Иронические стихи

Северная погода	53
"Сосед меняет двери"	54
"Домино"	55
"В котлопункте на "кусте"..."	56
"Только ветер-листобой..."	57
"Зима, капризная старуха..."	58
Новогодняя вахта	59
Январь-77	60
"На перевоспитанье тунейдок..."	61
"Я понял: времена сменились..."	63
"Местный "рафферти" ожил..."	64

Ньюконкистадоры	65
"Ты все мечты мои сожгла..."	66

Смешанный лес

"Кама!.. Цвет аквамарина..."	68
Взгляд сверху	69
"Октябрь, а навигация..."	70
"Вах разошелся!..."	71
В устье осеннего Ваха	72
"Пора весенняя в природе..."	73
"Дочь моя дежурною сестрой..."	74
"Снега голубую Атлантикой..."	75
"Брезентом старой раскладушки..."	76
Приметы	77
"С дебильным ребенком старик..."	79
"Ну что ж, таким не шутят..."	80
"Тополя отстреливают ветки..."	81
В старом Сургуте	82
Настроение	83
Арбуз	84
Балок	85
"У машины ракетная дрожь..."	86
"Не за удачу нравится охота..."	87
"Гроза прошла..."	88
"Закат на оттенки богат..."	89
"С ладони майские жуки..."	90
"Счастье может быть..."	91

"Луна пошла уже на убыль..."	92
"Озадачиво закат..."	93
"День прошел..."	94
"Усталые листья..."	95
В оранжерее	96
"Подарил я кому-то спальник..."	97
Линия судьбы	98
Заход на посадку	99
"По Югану все смородина..."	100
"Пригрело... наст уже не держит..."	101
Островок на Югане	102
"У голубики цвет иль свет..."	103
"Милые березки..."	104
"Ну что за прелесть..."	105
Жара	106
"Пришел, как солдат..."	107
Озимки	108
"Когда житуха так припрет..."	109
"Медленные сумерки России..."	110
Ночь на Ван-Егане	111
В музее янтаря	112
"Навалилась на меня..."	113
"Проплыл когда-то грустный..."	114
В центре Союза	115
"Багульник в рост пошел..."	116
В Ханты-Мансийске	117
"Как люблю я берез белостволье..."	118
"Теплынь!.. Словно лето..."	119

X

99302004
Окружная библиотека

20 ТЕПЛЫНЬ...

КОЗЛОВ Виктор Николаевич

Родился в 1937 году на Алтае
в Косихинском районе.

Учился в деревенской школе в Башкирии.

Закончил Уфимский нефтяной институт,
горный инженер. В Тюменской области
с 1961 года. Работал помощником бурильщика
инженером, главным инженером, главным
технологом экспедиции и ведущим технологом
объединения. Участвовал в открытии многих
месторождений нефти и газа.

Живет и работает в г. Мегионе.

Печатался в коллективных сборниках,
выходивших в Москве и Свердловске.